

Кстати, по различным источникам ныне в мире живет от 3–4 тыс. этнических групп. Легко пред- ставить: сколь трудно найти баланс их интересов и вовлечь в освоение и тем более в развитие фундаментального и прикладного знания.

Обучающимся юриспруденции надо особо пояснить: фундаментальное юридическое знание не имеет ни прямого, ни косвенного отношения к понятию «фундаментализм». Это понятие используется, как правило, при обсуждении религиозного и правового сознания ортодоксальных мусульман, в рамках исследований арабо-мусульманских политических и социальных процессов. В этом случае речь идет «о подходах, взглядах, позициях, суждениях, отличающихся косностью, фанатизмом, высокой самооценкой, буквальным следованием тексту, обращенностью в прошлое, а также отрицанием всех иных взглядов и позиций»¹.

Мне представляется значимой и еще одна методологического рода проблема. Как связаны (и связаны ли непосредственно) **фундаментальные ценности** (жизнь человека, его достоинство, свобода и личная неприкосновенность, священность частной собственности, возможность участия в управлении делами государства) и **фундаментальные науки**?

И последнее. Перед современной юридической наукой и практикой стоит сложнейшая задача — создать развернутый перечень (реестр, схему) фундаментальных научных дисциплин и сопряженных с ними прикладных форматов знаний. При этом желательно сразу обозначить междисциплинарные связи между ними с указанием объема и интенсивности их взаимодействия. Только после этого возможно будет построить образовательные программы с распределением количества учебных часов.

Установление разумного доказательного, четко зафиксированного баланса фундаментального и прикладного знания в высшем юридическом образовании позволит:

- не возвысить, а поставить на надлежащее место цикл историко-правовых и теоретико-фило- софских дисциплин от начала и до завершения обучения;
- выработать у обучаемых подлинное чувство законности;
- исключить упреки в размытии нормативной основы и ослаблении правопорядка;
- свести к минимуму бюрократизм и формализм учебного процесса, зачастую выдаваемых как прогресс российского высшего юридического образования;
- приблизиться к адекватному практико-ориентированному решению проблемы иерархии и координации источников (форм) права.

Бабурин Сергей Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, заслужен- ный деятель науки Российской Федерации, почет- ный академик Национальной академии наук Кыр- гызской Республики, Иностраннный член Академии наук Абхазии, Президент Ассоциации юридических вузов, главный научный сотрудник, научный руко- водитель Центра интеграционных и цивилизацион- ных исследований Института государства и права РАН, профессор Омского государственного уни- верситета имени Ф. М. Достоевского, Донецкого государственного университета, Московского уни- верситета имени С. Ю. Витте, Кемеровского госу- дарственного университета

Юридическое образование как показатель цивилизационной культуры

Юридическое образование объективно выступает показателем цивилизационной культуры об- щества. Неслучайно М. В. Ломоносов при создании в Москве первого российского университета полагал делать его из трех факультетов и ставил юридический наперед медицинского и фило-

¹ Подробнее см.: Абдуразаков А. А. Фундаменталистское мусульманское правосознание // Типология права и правосознания. Концептуальное единство и многообразие: монография / под общ. ред. В. П. Малахова, Н. Д. Эриашвили. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: закон и право, 2023. С. 447–457.

софского¹. Кроме того, образование является системообразующей частью культуры, поэтому то, что закладывается в образование сегодня, может дать результаты, в том числе и негативные, в отдаленном будущем².

Под культурой иногда понимают все формы самовыражения и самопознания людей. Культура любой нации предполагает построение составляющих ее ценностей, идей и традиций в определенном порядке, на основе неких присущих именно этой культуре принципов. Прогресс в своих формах многообразен и состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, подчеркивал Н. Я. Данилевский, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях³. Принципы как первоначала, руководящие идеи, основные правила, представляющие обобщение и распространение их содержания на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован⁴.

Ныне, после реформирования Конституции Российской Федерации в 2020 году, мы можем говорить о закреплении в ней четкой системы таких центральных понятий или принципов, определяющих цивилизационные черты культуры России, характер и геополитический смысл защиты нашего культурного наследия в современных условиях. Эту систему принципов русской (российской) культуры создают нормы Преамбулы и статьи 44, 67.1, 68, 69, 72, 75.1 в своей совокупности⁵.

То обстоятельство, что принципы современной российской (русской) культуры конституционно закреплены, особенно ярко показывает значимость правовых форм социальной жизни, а значит роль правового регулирования и правового образования как важных элементов правовой культуры общества, показателя цивилизационной эффективности соответствующего государства. Отсюда и системообразующий характер механизма правовой системы, целого комплекса внутренних и внешних взаимосвязанных факторов, форм и способов, увязывающего все ее элементы в единый самостоятельный правовой феномен⁶, характеризующий своими особенностями именно российскую цивилизационную культуру.

Обоснованно отмечая роль России в качестве ядра культурно-цивилизационной общности Русского мира, видя смысл новой концепции внешней политики Российской Федерации в закреплении ею правовой интерпретации евразийской идеологии, О. В. Париллов отмечает, что духовным основанием для утверждения России в ее статусе самобытного государства-цивилизации служит богатое культурное наследие прошлых эпох, включающее способность обеспечить гармоничное сосуществование представителей разных народов, культур, вероисповеданий⁷. Потому в отмечаемых им приоритетах сотрудничества среди первых следует ставить сотрудничество России с дружественными государствами в сфере юридического образования.

Юридическое образование как передачу из поколения в поколение юридических знаний и умений в значительной мере следует считать показателем цивилизационной культуры народа. Именно юридическое знание позволяет осмыслить сущность государства и права, получить представления о законности и конституционности, правопорядке и правотворчестве, о правомерном поведении и правонарушении⁸. Юридическое образование позволяет разобраться с ролью правовых явлений в торжестве или крушении тех или иных политических и идеологических идеалов, осознанно осуществлять государственное и муниципальное управление, защищать права личности, выстраивать гармоничные отношения между государством и обществом. Оно является базой для целенаправленной деятельности по управлению обществом, реализации определенной

¹ См.: Ломоносов М. В. Государство Российское. Москва: Де'Либли, 2015. С. 511.

² Миронов В. В. Диалог с современностью. Москва: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019. С. 82.

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Москва, 1991. С. 87.

⁴ См.: Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. 3-е изд. Москва, 1972. С. 329.

⁵ Подробнее см.: Бабурин С. Н. Конституционные принципы культуры России в современных условиях // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 15–21.

⁶ Радько Т. Н. Правовая система России на юридической карте мира. Москва: Проспект, 2021. С. 7.

⁷ Париллов О. В. Концепция внешней политики Российской Федерации — правовая интерпретация евразийской идеологии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 2. С. 38, 39.

⁸ Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. Т. 1: Государство. Москва: Норма, 2007. С. 3.

концепции власти, основой политики¹. И, конечно, юридическое образование позволяет выделить цивилизационные особенности разных правовых культур, учесть в практической деятельности ценностные характеристики того или иного общества.

Как известно, общие требования к подготовке юристов в Российской Федерации закрепляются федеральными государственными образовательными стандартами. Требования ФГОС по направлению и специальности «Юриспруденция» являются базовыми для фундаментальной подготовки юристов широкого профиля². Но качество образования определяется далеко не только стандартами, но самим отношением к обучению и воспитанию со стороны государства и общества.

В начале XXI века стал губительным чисто бухгалтерский подход к образованию, в том числе высшему, когда социальный смысл образования отодвинули на второй план, включив образование в сферу услуг. Он базировался «на рассмотрении высшего образования как государственной стандартизированной услуги, которая в любом российском вузе должна быть одного и того же качества и, соответственно, одинаково финансироваться»³. Реформаторы высшей школы умудрились повторить изъяны системы образования, с которыми за 100 лет до этого призывал бороться Д. И. Менделеев, осуждавший усиление в России недостатков западноевропейского образования, когда «все наше образование направлено преимущественно в сторону индивидуалистическую, подобно древнему или средневековому, и на деле вовсе чуждо задачам жизненным и общегосударственным, для которых истинное знание состоит в умении видеть действительность, уловить условия, принять в расчет и сообразно со всем этим найти выполнимое или в данной частности пригодное решение»⁴.

В Советской России высшее образование учло многие менделеевские замечания, его важной чертой стало разделение вузов на классические университеты, предполагавшие фундаментальные научные и образовательные подходы, и институты, ориентированные в подготовке кадров на конкретные отрасли народного хозяйства или сферы социальной жизни.

На протяжении XVIII–XX веков обучение в России (СССР) строилось по унаследованной со времен М. В. Ломоносова традиции заложить на первом этапе фундаментальные основы образования, научить будущего специалиста думать, а на старших курсах провести специализацию. Такой принцип при внедрении бакалавриата был сломан, фундаментальные науки и дисциплины перенесли на уровень магистратуры, строя подготовку кадров без создания фундамента знания. Между тем профессиональный практикующий юрист не менее юриста-ученого должен строить свою деятельность на знании логики и философии, истории права и государства, на обладании методологией познания. Принудительный в последние годы «компетентностный подход» на поверку оказался лишь рекламным прикрытием дальнейшего демонтажа традиционного классического образования. Обретение компетенции есть не что иное, как «старорежимное» владение знаниями, умениями и навыками. Но внедрение «компетенций» попирало традиционную для юристов методологию познания государства и права, способствовало усилению бюрократизации в образовании, в том числе юридическом.

Сугубо российские кризисные процессы образовательной системы накладывались на неспособность мировой системы образования успешно отвечать на вызовы современности, особенно при трансформации ценностей в информационной цивилизации⁵. Вместо вдумчивого выбора среди различных моделей (проектов) образовательных систем Россия включилась в процессы универсализации образования по европейским стандартам.

Разделение высшего образования на бакалавриат и магистратуру, осуществленное под лозунгом вхождения России в общеевропейское образовательное пространство ради успешного устройства выпускников российских вузов на Западе серьезно ухудшило качество образования.

¹ Авакьян С. А. Конституционное право России: Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. 7-е изд., перераб. и доп. Т. 1. Москва: Норма; ИНФРА-М, 2023. С. 23.

² См.: Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ (в ред. от 24 июня 2023 г.). URL: <https://dokumenty24.ru/component/jdownloads/send/10-zakony/23-zakon-ob-obrazovanii-v-rf.html> (дата обращения: 15.07.2023 г.).

³ Клячко Т. Л., Май В. А. Будущее университетов. Статья 2. Российские тенденции // *Общественные науки и современность*. 2015. № 4. С. 17.

⁴ Менделеев Д. И. Заветные мысли: Полное издание (впервые после 1905 г.). Москва, 1995. С. 233.

⁵ См.: Огурцов А. П., Платонов В. В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. Санкт-Петербург: РХГИ, 2004. С. 26–34.

Бакалавриат оказался лишенным глубины знания, а магистратура основательности. Как преподавателям высшей школы, так и потребителям юридических кадров очевидно, что предоставление возможности поступать на магистерские образовательные программы без базового юридического образования себя не оправдывает, ведет к профанации магистратуры как высшего уровня подготовки юристов, к низкому качеству работы по специальности таких выпускников, а порой просто к коммерческому обману магистрантов, отчисляемых после по итогам обучения на первом курсе магистратуры.

Возникли проблемы и подготовки кадров высшей квалификации в науке. Аспирантура, как известно, преобразована в новый уровень профессионального высшего образования (п. 5 ст. 10 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»), став подготовкой научно-педагогических кадров с квалификацией «исследователь» и «преподаватель-исследователь». Ныне она не связана с защитой диссертации. Утрачен классический смысл аспирантуры. Многие хотели бы получить ученую степень, но не нуждаются лишь в хлопотном дополнительном подтверждении своего права преподавать.

Важным элементом правовой культуры общества является сбережение и укрепление профессорско-преподавательского состава юридических вузов. Как подчеркивал академик П. Л. Капица, «руководитель научной работы подобен режиссеру, он создает спектакль, хотя не появляется сам на сцене»¹. В полном объеме это относится к роли вузовских профессоров и доцентов. Искусственное увеличение их учебной нагрузки с неизбежностью ведет к ухудшению качества преподавания. А ведь ныне как никогда ранее важно стимулировать совмещение вузовским преподавателем работы в вузах с углубленными научными исследованиями, с участием в практической деятельности государственных, муниципальных, правоохранительных и иных юридических органов.

Должна быть точна и эффективна оценка труда профессорско-преподавательского состава. В науке ее критерии включают в себя публикации научных статей и, как вершина, монографий, выступления докладами на научных конференциях. Но публикации результатов научных исследований нужны для коллег и учеников, для любознательных соотечественников, а не ради попадания в зарубежные индексы цитирования. Почему даже сейчас, после событий 2022 года, сохраняется преклонение перед иностранными научными рейтингами? Объяснения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по этому вопросу неубедительны. Не будем касаться точных и естественных наук, но в отношении юридических с подобными критериями министерство и ВАК зашли явно не туда. Создали Российский индекс цитирования (РИНЦ) — очень хорошо. Ввели утверждение в ВАК списка рекомендуемых для публикаций журналов — полезно. Но не надо пытаться при этом поглядывать через забор, ориентироваться на мнение о нас завистливых соседей, не следует наивно мечтать, что за рубежом заинтересованы в развитии российской юридической науки. Осмелюсь утверждать — не заинтересованы. Так зачем делать ничего не понимающих в наших делах соседей арбитрами в оценке качества работы российских ученых-юристов? Пора прекращать затянувшуюся нелепость, следует делать единственно допустимыми только национальные оценки результатов научной деятельности. Либо, как максимум, — подходы к юридической науке общие для Евразийского экономического союза и Союзного российско-белорусского государства.

Следует изменить и подход Минобрнауки к работе диссертационных советов, практически ликвидированных в Сибири и на Дальнем Востоке. Университет без диссертационного совета не полноценен. Не оправдывает себя запрет ученым состоять более чем в трех советах без учета необходимости поддержки региональной науки. А диссертационные советы по месту работы доктора наук следует, как и прежде, считать за один.

Допущены, на наш взгляд, структурные ошибки в самой системе высшего образования. Возьмите статью 24 Федерального закона «Об образовании», закрепившую «социальное расслоение» вузов России (особый статус МГУ имени М. В. Ломоносова, СПбГУ, федеральных и исследовательских университетов). Чем доказано, что разделение вузов на официальные категории — это хорошо? Попавшие в «элитные» перечни вузы свободны от добросовестной конкуренции? Если считать это экспериментом, то кто и где подводил его итоги за минувшие годы? Вместо вузов-лидеров мы получили вузы, разлагаемые изнутри получаемыми привилегиями, систему недобросовестной

¹ Капица П. Л. Эксперимент. Теория. Практика: Статьи и выступления. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Наука, 1987. С. 180.

конкуренции, убивающую в высшей школе плодотворное соперничество направленностью и достижениями научных школ, качеством подготовки специалистов¹.

Развитие юридических знаний и юридического образования является одним из условий успешного существования и совершенствования любой цивилизации, ее культуры. Конституционная реформа Российской Федерации, осуществленная в 2020 году, укрепила и дополнила цивилизационными смыслами нравственный каркас российского общества. Возвращение общества к традиционным духовно-нравственным ценностям следует признать ключевым принципом обновления современного юридического образования в России. Неслучайно Патриарх Московский и всея Руси Кирилл назвал традиционные ценности — ценности веры, любви, долга, ответственности, солидарности — вечными ценностями².

В чем же причина социального упадка современного юридического образования в России при сохранении в нем реальной потребности общества? Критику реальных недостатков образования нацеливают, как правило, на использование Болонской образовательной системы³. Недостатки современного российского юридического образования реальны⁴, а вот с виновностью Болонской системы не лишне разобраться внимательнее.

Пора развеивать хотя бы ряд сегодняшних иллюзий и мифов. Многие удивятся, но Болонская образовательная система — это способ внедрения в Европе советского опыта высшей школы.

Болонская образовательная система, ставшая ныне неотъемлемой частью европейской цивилизации, формировалась в конце XX — начале XXI века в несколько этапов. Так, 18 сентября 1988 года ректоры 250 университетов различных стран мира подписали в Болонье Великую Хартию университетов, в которой было подчеркнуто, что будущее человечества в значительной степени зависит от культурного, научного и технологического развития, которое «создается в центрах культуры, знаний и научных исследований, какие представляют собой настоящие университеты»⁵. В Хартии были провозглашены фундаментальные принципы, определяющие, что такое университет. Если внимательно оценивать этот документ, то станет очевидно, что основные инструменты, гарантирующие осуществление современных задач университетов, взяты европейцами из советской системы образования, как закрепление мобильности преподавателей и студентов, так и общая политика эквивалентности в области статусов, степеней, экзаменов (при сохранении национальных дипломов) и назначения стипендий⁶.

Кроме того, 11 апреля 1997 года в Лиссабоне в развитие Хартии была подписана Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе. Даже при стремлении к универсализму в статье 3 раздела 2 Конвенции подчеркнуто: «Ничто в настоящей Конвенции не считается отменяющим любые более благоприятные положения, касающиеся признания квалификаций, выданных в одной из Сторон»⁷. В Сорбонской совместной декларации о гармонизации архитектуры европейской системы высшего образования от 25 мая 1998 года ради вовлечения в европейское пространство высшего образования новых государств, в том числе России, была провозглашена его открытость. И, наконец, 19 июня 1999 года была подписана Болонская декларация европейских министров образования. Окончательно определена суть становления европейского пространства высшего образования: 1) система легко понимаемых и сопоставимых степеней, введение приложения к диплому; 2) два основных цикла (ступени) — преддипломный (не менее 3 лет) и последипломный. Второй цикл завершается присвоением степени магистра и / или доктора; 3) система зачетных единиц — кредитов (*credits*) в качестве способа,

¹ Подробнее см.: Бабурин С. Н. Российская высшая школа в общеевропейском образовательном пространстве: оценка ситуации // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2020. № 3 (25). С. 5–11.

² Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. О смыслах / сост. В. М. Теребихин. Москва: Изд-во МП РПЦ, 2019. С. 420.

³ См.: Боброва Н. А. Девальвация юридического образования: общетеоретический анализ // Образование и право. 2018. № 8. С. 180.

⁴ См, напр.: Русская школа в XXI веке. Кн. 2. Мировоззренческие основания современного российского образования: коллективная монография / под ред. протоиерея Геннадия Заридзе, В. М. Меньшикова, С. В. Перевезенцева. Москва; Курск: Квадрига, 2022. С. 28–50.

⁵ Болонский процесс. основополагающие материалы. Москва: Финансы и статистика, 2007. С. 4.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Там же. С. 12–13.

обеспечивающего мобильность студентов; 4) развитие мобильности путем сопоставимых учебных планов, интегральных программ обучения, сопоставимых критериев и методологии¹.

Присмотревшись, можно убедиться, что и система четких циклов обучения, и возможность для студентов переводиться из одного университета в другой, и система единых образовательных программ, давно существовали в СССР. Если отбросить дипломатию, то именно основы советского высшего образования были в 1999 году обезличенно приватизированы Европой ради трансформации Европейского Союза в федеративное государство. Созвучно русской культурной традиции и то, что 19 мая 2001 года в Коммюнике Пражской встречи европейских министров, ответственных за высшее образование, было отмечено, что высшее образование следует рассматривать не как личный интерес, а как общественное благо. И обучение должно продолжаться в течение всей жизни.

В Российской Федерации шел обратный процесс. «Реформирование» отечественного образования в начале XXI века стало механическим демонтажем существовавших, сбалансированных за полтора столетия успешного использования программ и методик подготовки кадров. Основанием слома стали ошибочные представления руководителей российского образования о едином европейском образовательном пространстве². Игнорировались и «неудобные» европейские решения, например, Саламанкская конвенция европейских вузов от 30 марта 2001 года. Для апологетов неолиберализма два ключевых положения Конвенции были не приемлемы. Во-первых, Саламанкская конвенция имела ярко выраженную социальную направленность, особенно подчеркнув ключевые для образования принципы: конкуренция не может быть сведена к коммерческому концепту; нежелательность утечки мозгов внутри Европы; главная академическая ценность — это качество образования³. Во-вторых, Конвенция неявно подтвердила успешность советской высшей школы, отметив: «При определенных обстоятельствах университет может решить разработать интегральный учебный план, ведущий прямо к степени магистра»⁴.

Поясняю и дважды подчеркиваю: еще в 2001 году в Европе фактически одобрили российский опыт 5-летней подготовкой специалистов, назвав его сквозной магистратурой.

Мелочь, но приятно: если европейцы только в 2003 году запланировали, начиная с 2005 года выдавать автоматически и бесплатно приложения к диплому, то в российском юридическом образовании такие приложения бесплатны и обязательны уже много поколений студентов.

Вывод прост и печален: к деформациям и уродствам современной российской высшей школы Болонская образовательная система отношения не имеет. Российский вариант вхождения в общеевропейское пространство высшего образования оказался до крайности нелеп, ибо заключался в сломе эффективных, многократно оправдавших себя отечественных традиций высшей школы и отречении от собственных культурно-исторических принципов образования, от культурно-образовательной идентичности.

Европейцы серьезно дискутировали о выборе между специализированным обучением или формированием гражданского самосознания и ответственной активности учащихся⁵. Россия первоначально в состоянии либеральной эйфории устремилась вслед за Западом только в первом направлении, затормозив у края пропасти фактически в последний момент.

Россия очень вовремя стала дистанцироваться от сегодняшней Европы, стремительно меняющей свои культурно-ценностные приоритеты, в том числе в сфере юридического образования. В условиях духовно-нравственной деградации Запада, воплощающейся в интерпретации свободы как вседозволенности, в культе неадекватности и извращения, выдаваемом за свободу от традиции и религиозных основ общества, в том числе освобождение от традиционных семьи и брака, семейного воспитания, а вероятнее, именно в силу этого процесса пространство европейского высшего образования становится токсичным. Юридическое образование как показатель совре-

¹ Болонский процесс. основополагающие материалы. Москва: Финансы и статистика, 2007. С. 36–37.

² См., например: Боброва Н. А. 7 лет под прицелом мнимых мировых стандартов // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 74–80; Бабурин С. Н. Высокое качество образования в образовательном процессе юридических вузов — это, не в последнюю очередь, и постоянное обновление методики преподавания // Формирование знаний, навыков и профессиональных компетенций в образовательном процессе юридических вузов: материалы всероссийской научно-методической конференции. 14–17 февраля 2013 года, г. Суздаль. Владимир, 2013. С. 15–18.

³ Болонский процесс. основополагающие материалы. С. 39, 40.

⁴ Там же. С. 42.

⁵ Огурцов А. П., Платонов В. В. Образы образования. С. 504.

менной европейской цивилизационной культуры отражает закономерности постмодерна в ярко выраженной эклектике правового идеализма, позитивизма и аморальности.

Характеризуя юридическое образование как показатель культуры конкретной цивилизации, следует иметь в виду, что европейское образование имеет много отличий от высшего образования в других странах, в том числе в других странах Запада. Европейцы соревнуются прежде всего с США, где применяется более разнообразная и гибкая система учета учебной нагрузки, состоящая не только из системы зачетных единиц, но и идет подсчет суммарных оценок по критериям количества и качества, а также дополнительных баллов за успешную учебную и научную работу. Слепо подстраиваясь под собственное неадекватное понимание Европы, мы увеличивали свой разрыв с другими мировыми системами образования¹.

Процессы, протекающие последние десятилетия в отечественном юридическом образовании, конечно, обратимы. Но нельзя недооценивать степень их социальной и цивилизационной опасности. «Все то, что сегодня происходит в мире, совершается не потому, что так хочет Бог, а потому, что так хочет дьявол, — напоминает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. — Его искушения и соблазны настолько привлекательны, что не просто влияют на способы нашего мышления и волевые установки, но по сути дела формируют облик человеческой цивилизации... Но как падение в реальную пропасть означает смерть или в лучшем случае увечья, так и падение в духовную пропасть также означает духовную смерть или духовное уродство»².

Чтобы создать эффективную национальную высшую школу, достойную России как государства-цивилизации, следует попытаться гармонично соединить традиции образования в Российской империи и Советском Союзе с позитивной частью опыта и инновационных технологий последних тридцати лет. Для юристов имеется несколько моделей дальнейшего развития высшего образования, выбор оптимальной — за политическим решением государства, его высших органов власти. Точнее, за волей общества, закрепленной решением государства.

Путь первый. В юридическом образовании можно перейти к сквозной магистратуре, избавившись одновременно от нелепого понятия «специалитет», вызванного в свое время обоснованным стремлением сохранить от разрушения подготовку специалистов хотя бы по некоторым профилям или направлениям. Абитуриенты будут поступать сразу в магистратуру, учиться традиционные 5 или даже 6 лет и получать дипломы магистров. После окончания базовых 3 курсов, как и после окончания колледжа или техникума, желающим уйти на практическую работу должен выдаваться диплом бакалавра. Аналогом такого диплома в былые годы были диплом техникума или справка о получении неполного высшего образования. И магистры, и бакалавры в этом случае должны признаваться специалистами. Одновременно можно переосмыслить советский опыт функционирования ведомственных институтов и высших училищ, где можно выпускать специалистов с высшим образованием после получения профессионального образования в течение четырех лет.

Образовательные стандарты при этом могут быть достаточно быстро приведены в соответствие с запросами практики и традициями Отечества. Больше ничего не надо ломать.

Есть и второй вариант решения проблем — восстановив подготовку специалистов в университетах за традиционные 5 лет, в академиях и институтах — в течение 4 лет, отождествить магистратуру с аспирантурой. После защиты диссертации выдавать не диплом кандидата наук, а диплом магистра соответствующих наук. В этом случае высшее профессиональное образование в течение 4-5 лет завершать выдачей дипломов специалиста. И забыть слово «бакалавр».

Оба пути просты в реализации и могут быть эффективны.

Возвращение в юридическом образовании к культурно-историческим основам русского общества восстановит цивилизационный смысл и цели юридического образования как синтеза фундаментальных знаний и практических умений юриста, как органичной неотъемлемой части культурной среды любого общества. Поскольку только такое юридическое образование задает параметры национальной конституционной идентичности, оно невозможно без мировоззренческой системы

¹ Подробнее см.: Бабурин С. Н. Начало преодоления Россией цивилизационного кризиса — в эффективности образования и науки // *Цивилизация знаний: Российские реалии. Цивилизационные задачи современного правоведения: наука, образование, практика (стратегическая панель): сборник трудов XXIII международной научной конференции*. Т. 1. Москва: РосНОУ, 2022. С. 7–18; Он же. *Российская высшая школа в общеевропейском образовательном пространстве: оценка ситуации*. С. 5–11.

² Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. *Слово предстоятеля (2009–2011)*. Собрание трудов. Серия I. Т. 1. Москва: Изд-во Московской патриархии РПЦ, 2012. С. 711.

координат. Лишь нравственные основания права как фундамент юридического образования позволяют осмыслить его глубину и цивилизационные характеристики. Тем более, что следует безоговорочно поддержать С. В. Перевезенцева в прогнозе: в будущем сохранятся и будут определять мировую политику лишь те народы и цивилизации, чей духовный корень окажется наиболее крепким, а традиционные духовные смыслы и ценности продолжат оставаться значимыми для большинства членов того или иного сообщества¹.

Полноценное юридическое образование с неизбежностью оценивает ныне обострившийся мировоззренческий цивилизационный кризис как прямое следствие духовно-ценностного перерождения гуманизма, аргументированно утверждает, что будущее — за всеобщим многополярным миром, нравственным обществом и экономикой знания². Для этого российское юридическое образование должно отвечать требованиям и традициям культурно-исторического типа своей, Русской цивилизации.

Российской Федерации пора делать выбор, определившись, какой мы хотим видеть высшую школу. Парадоксально, но любое из двух предлагаемых решений, даже если мы полностью откажемся от понятий «магистр» и «бакалавр», будет соответствовать не только традициям русской цивилизационной культуры, но и основным принципам Болонской системы образования.

Голик Юрий Владимирович,

доктор юридических наук, профессор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, академик МСА

Как изучать уголовное право в современный период

Уголовное право, да и право в целом долгие годы — столетия и даже больше — изучалось путем заучивания правовых норм. Даже я, будучи студентом (1969–1974), застал отголоски этого процесса. Сегодня такой подход не нужен и даже невозможен. Если понятие убийства (умышленное причинение смерти другому человеку — ч. 1 ст. 105 УК) или кражи (тайное хищение чужого имущества — ч. 1 ст. 158 УК) достаточно легко запомнить, то как запомнить составы, описание которых в кодексе занимает более двухсот слов (например, ч. 1 ст. 185⁵ «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества» состоит из 248 слов). А главное — кому это нужно, если составы эти могут меняться «со скоростью света». Кстати, специалисты утверждают, что самое сложное понятие в русском языке можно объяснить фразой из семи, максимум из девяти слов.

Значит, нужен другой подход. Студента надо научить анализировать то, что он видит. Причем анализ этот должен начинаться не с «подгонки» увиденного под ту или иную статью, содержащуюся в кодексе, а с учетом соответствия увиденного общему понятию преступления. И уже на этой основе отыскивать соответствующую статью в Уголовном кодексе. Конечно, такой подход может вызвать трудности при квалификации. Наверное, не всегда следователь и судья смогут сразу обнаружить те или иные признаки состава преступления в рассматриваемом случае. Значит, встанет вопрос о качестве уголовного закона, который никогда не должен сниматься с повестки дня. А это требует уже других, более сложных рассуждений.

Сегодня в период отсутствия недостатка в литературе и учебниках по уголовному праву расширять и увеличивать лекционную нагрузку неразумно. Студент многое может почерпнуть из сети «Интернет». Ничего плохого в этом нет. Надо просто ориентировать его, что и где он должен искать и может найти (в сети содержится много некорректной информации). Место учебных лекций должны занять обзорные лекции, которые бы ориентировали студентов на самостоятельный и продуктивный поиск нужного материала. Студента надо научить, что искать и где искать. Основное время аудиторных занятий должно быть отведено на практические и семинарские занятия, в процессе которых студент и будет постигать азбуку поиска и использование найденного, в частности, для квалификации преступления. Не поиск ответа на сформулированный в задачке вопрос, как

¹ Русская школа в XXI веке. Кн. 2. С. 209.

² Бабурин С. Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. 2-е изд. Москва: Норма, 2023. С. 150.